

СЕРАФИМА СИБАТРОВА (Тарту)

К ВОПРОСУ О СИНОНИМИКЕ СИНТЕТИЧЕСКИХ ФОРМ И ПОСЛЕЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В развитии системы выражения обстоятельственных, а также некоторых субъектно-объектных отношений в марийском языке сосуществуют две тенденции. Абстрагируясь в процессе своего функционирования, язык синтетичен; стремясь к конкретности передачи мысли, он все более аналитичен. То есть имеется в виду увеличение количества аффиксов, с одной стороны, и обогащение послеложного ряда, с другой. «Исчезновение» аффикса или же, наоборот, высокая степень его отвлеченности вызывают появление синонимичного послелога (не исключено, что другого аффикса). Возникновение новой формы (здесь: послеложной) вместо уже бытующей в языке способствует «вытеснению» или ограничению последней. Для глубокого и детального анализа подобных изменений необходимо диахронное исследование. При синхронном же описании практически приходится говорить не об исчезновении аффикса или появлении послелога, а о менее заметных сдвигах, например, об ограничении или расширении их семантики, функций и т. д.

Цель настоящей статьи — показать параллельное бытование и взаимодействие некоторых синонимичных аффиксов и послелогов в луговосточной литературной норме марийского языка, не претендуя при этом на исчерпывающий охват языковых фактов.

У марийских лингвистов нет единого мнения относительно формантов *-де*, *-ла*. Одни считают их словообразовательными, другие — словоизменительными суффиксами (подробно см. Тужаров 1977 : 111—112; 1983 : 173). Важно учесть, что аффиксы *-де* с абессивным значением и *-ла* с компаративной семантикой ограничены в своем употреблении. И. С. Галкин, анализируя историю падежных суффиксов в марийском языке, пишет: «... другие же еще частично сохранили свою словоизменительную функцию, но вытесняются послеложными конструкциями (*-ла*, *-де*)» (Галкин 1964 : 37; см. также СМЯМ 70).

Более интересны для лингвиста взаимоотношения между сравнительным морфологическим показателем *-ла* и «равнозначными» ему послеложными *гай* 'как, словно, подобно кому-чему-л.' и *семын* то же. Синтетическая форма *-ла* имеет полисемантический характер и, следовательно, широкую сферу функционирования в речи. Так, З. В. Учаев (1982 : 70—71) различает у нее пять грамматических значений. При необходимости уточнить, конкретизировать сравнение в определенном направлении говорящий обращается к более «специализированному» средствам — послелогам *гай* и *семын*. Как утверждают исследователи, *гай* встречается преимущественно в атрибутивных, *семын* — предикативных сочетаниях (Чхаидзе 1975 : 253; Грачева 1976 : 43, 45): *ала-могай пырыс гай янлык*

(Чавайн 154) 'какой-то зверь, похожий на кошку'; *Вүд үмбачын мамык гай ош тўтыра шуйнылын шаланен* (Шкетан II : 116) 'Над водой рас-сенвался белый, как пух, туман'; *А чодыраште чыла пушенге ужар сывыным чиен шогалын, сјанвате семын лыжгыктен шога* (Сапаев 34) 'А в лесу все деревья оделись в зеленый кафтан, стоят качаются словно женщины на свадьбе'; *Мемнан верлаште тудо пагытым ала-могай пай-рем семын вучат* (Иванов 34) 'В наших местах это время ждут как какой-то праздник'. Компаративный элемент *-ла* оформляет обстоятельство образа действия. Нельзя не отметить, что и *гай* нередко употребляется в этой функции: *Луй лумышко кјла волен возо* (Чавайн 156) 'Куница упала на снег словно камень'; *Кукшенер школ эрак мјкиш омарта гай лјшкаш тјналеш* (Тыныш 43) 'Кукшенерская школа начинает гудеть с утра как пчелиный улей'; *Оза вате токасе гай ыш вашлий* (Артамонов 25) 'Хозяйка встретила не как прежде'.

Если, исходя из функций рассматриваемых грамматических средств, остановиться на их потенциальной способности взаимозаменять друг друга, выяснится, что активнее послелог *гай*. Он может замещать и *-ла* и *семын*. Например, одинаково допускаются предложения: *Мардеж шыпланыме семын лие — Мардеж шыпланымыла лие — Мардеж шыпланыме гае лие* 'Ветер как бы утих'; *Ўдыр ожнысо семынак шыман ончале — Ўдыр ожнысылак шыман ончале — Ўдыр ожнысо гаяк шыман ончале* 'Девушка посмотрела ласково, как и прежде'. Падежное окончание *-ла* и служебное слово *семын* не выступают (за редким исключением) в определительных конструкциях и поэтому обычно не могут заменять послелог *гай* в его атрибутивной функции. Так, в *име гай писе шинча* 'острые как иголка глаза' невозможна замена *гай* послелогом *семын* или суффиксом *-ла*. Сравнительные элементы образа действия *-ла* и *семын* потенциально могут взаимозамещаться, но в настоящее время в марийском литературном языке более предпочитается синтетическая форма. Приведем факты использования компаративных синтетических и аналитических форм из художественной литературы. В романе «Элнет» (Чавайн 151—200) имеется 41 (44,7%) пример на *-ла*, 39 (41,9%) — на *гай* и 13 (14%) — на *семын*. Сопоставим с данными Г. М. Тужарова (1977 : 116), полученными путем анализа романа Д. Орая «Тўтыра вошт» (Йошкар-Ола 1951 : 64—84): частотность *-ла* составляет 58%, конструкций с *гай* — 23,5%, конструкций с *семын* — 18,5%.

Кроме того, каждая из исследуемых языковых единиц имеет свою, характерную только для нее роль в предложении. Здесь взаимозамещение исключаются. Так, устойчива синтетическая форма, выражающая предмет обмена, вознаграждения или способ игры: *кындыла вашталташ* 'обменивать на хлеб', *оксала налаш* 'брать за деньги', *картла модаш* 'играть в карты', *футболла модаш* 'играть в футбол' и др. Сравнительные же конструкции личных и некоторых других местоимений оформляются главным образом аналитически: *Тый гает скрипачлан ватыже ... пеш мастар аккомпаниатор* (Чавайн 187) 'Такому скрипачу, как ты, его жена очень хороший аккомпаниатор'; *Шкемым ала-мо семын кидыш налнем, тургыжланымем ... ынем палдаре* (Ялмарий 58) 'Изю всех сил (букв. как что-то) стараюсь взять себя в руки, не выдать своего волнения'. Послелог *семын* незаменим при выражении развития действия, а также обозначении предмета, лица, явления, согласию которому совершается действие: *Ошкылмына семын клуб ончылно юарлыме эркын шыплана* (Ялмарий 39) 'По мере того, как мы уходим, веселый шум перед клубом постепенно утихает'; *... кутырен келшыме семынак, ме Лида дене коктын уремыш лекна* (Чемеков 53) '... согласно уговору, мы с Лидой вышли на улицу'. После-

лог *гай* не допускает замены в значении частицы 'почти': *Кенез гоч манме гаяк ала-кушто эре чодыра йўлыш* (Шкетан II : 20) 'Почти все лето где-то горел лес'.

Таким образом, в современном марийском языке функционируют оба способа выражения сравнительных отношений. Синтетические формы и послеложные конструкции не взаимозаменяют, а взаимодополняют друг друга. Следует признать, однако, что послелог *гай* и *семын* в конечном итоге не содействуют семантическому и функциональному развитию морфемы *-ла*, а в какой-то мере тормозят его. Относительно низкая частотность употребления *семын*, а значит, узкие возможности его функционирования в речи, вероятно, обуславливаются его более поздним происхождением (является чувашским заимствованием; Szilasi 1901 : 197; Веке 1911 : 444—445; Räsänen 1920 : 180; Paasonen 1948 : 110; Майтинская 1980 : 3). Напротив, раннее появление *гай* способствовало постепенному расширению его функций и сравнительно высокой частотности использования в речи. К сожалению, в специальной литературе нет убедительных данных по его этимологии, но, думается, справедлив М. П. Чхаидзе (1975 : 257), когда утверждает, что «*гай* как послелог успел настолько глубоко вплестись в марийскую языковую ткань, что его иноязычное происхождение весьма сомнительно: *могай* 'какой', *тугай* 'такой' и т. п.»

Иное положение занимает в лугово-восточном литературном языке окончание лишительного падежа *-де*. «Суффикс *-де* в своей падежной функции более четко сохранился в горном и восточном наречиях марийского языка. В луговом же наречии марийского языка его вытеснила послеложная конструкция: *деч посна* 'без', в котором *посна* 'без' является чувашским заимствованием» (Галкин 1964 : 32; см. также Тужаров 1983 : 180). В настоящее время говорить о полном вытеснении абессивного *-де*, вероятно, несколько рано. Формы лишительного падежа иногда встречаются и в лугово-восточной литературной норме: *Сергей изиж годымак Йыван изаж дене пырля аваде тулыкеш кодын* (Шабдар 13) 'Сергей еще в детстве вместе с братом Иваном без матери остался сиротой' (см. Тужаров 1983 : 180); ср. *Тиде тургым жапыште ... шуко сурт кинде деч посна кодын* (Шкетан I : 223) 'В это тяжелое время ... много хозяйств осталось без хлеба'.

В горном наречии, наряду с окончанием *-де*, иногда выступает «синонимичный» составной послелог *гёц пасна* 'без, кроме': *Хоть-мам попышты гёнят, шке йёлмы доно сиремы литературыде ёлаш ясы* (Игнатъев I : 328) 'Что бы там ни говорили, трудно жить без литературы на родном языке'; *Чайым вареньыде акат йўэп* (там же 211) 'Не пьют чая без варенья'; ср. *Табак гёц пасна ак код, ёрака гёц пасна ак код* 'Курить не бросает, пить не перестает' (СГНМЯ 30), букв. 'не остается без табака, не остается без вина'. Называть эти грамматические средства абсолютно тождественными было бы неправильно. Так, при передаче характера болезни человека и животного преимущественно употребляется синтетическая форма. Беспослеложные конструкции типа *кэдä-лде ли-нäm* 'поясница заболела' (букв. 'стала без поясицы'), *ја-лде ко-саš* 'остаться без ног' предпочитают сложным сочетаниям типа *ка-дäl рас па-сна ли-нäm, јал рас па-сна ко-саš* (здесь и далее примеры автора). В диалекте грамматической нормой для обозначения количества, меры (веса, суммы, времени, возраста и т. д.) без какой-либо части, доли является также флексия *-де*. Употребляются выражения *вас ми-нутде кок сäs* 'без пяти минут два часа', 'а не *вас ми-нут рас па-сна кок сäs; кäm копе-кде ик тä-нгä* 'без трех копеек рубль', а не *кäm ко-пек рас па-сна ик тä-нгä*. С другой стороны, абессивное значение у личных и некоторых других местоимений выражается при помощи после-

лога: *Təñ yə-cet pa-sna kəš ke-jet?* 'Куда я пойду без тебя?'. Также значение логического выделения предмета, лица в ряду других предметов, лиц — 'кроме, помимо кого-(чего)-нибудь' — передается только аналитически: *Коммунист дон комсомолецвлй гыц пасна, молы мары, йдыра-машвлйат колыштает погыненыт* (Игнатъев II : 271) 'Кроме коммунистов и комсомольцев собрались слушать и другие мужчины, женщины'.

С точки зрения синонимики падежных форм и послеложных конструкций обращает на себя внимание показатель дательного падежа *-лан*. Он имеет особенно много грамматических значений. З. В. Учаев (1982 : 60—80) указывает на 12 субъектно-объектных и 6 обстоятельственных отношений, выражаемых им (у именительного падежа — 5, родительного — 5, винительного — 3 основных и 5 дополнительных, сравнительного — 2 основных и 3 дополнительных, совместного — 4 основных и 3 дополнительных значения). Грамматика современного марийского языка устанавливает для дательного падежа 6 грамматических значений (у именительного — 9, родительного — 3, винительного — 2 значения; СМЯМ 61—67). Следовательно, дативная форма — один из самых отвлеченных морфологических показателей марийского языка. Однако несмотря на такую полифункциональность, частотность ее использования в речи не самая высокая. В романе М. Шкетана «Эренгер», по данным М. Г. Тужарова (1977 : 112), наблюдается следующая картина частотности употребления падежных окончаний: родительный падеж — 16,4%, дательный — 15,8%, винительный — 46,6%, местный — 9,1%, направительный — 8,2%, обстоятельственный — 1,5%, сравнительный — 2,4%. Причину сложившегося несоответствия между развитостью грамматических значений датива и практически низким проявлением их в речи, вероятно, следует искать, помимо степени важности выражаемых отношений, в наличии в языке послелогов, способных заменять его в определенных функциях. А именно, каузативно-целевые отношения, кроме формы дательного падежа, весьма часто передаются с помощью послеложных конструкций. Причинно-целевых послелогов в марийском языке несколько: *верч* 'из-за, ради, для', *дене* 'из-за, от, с, из', *көра* 'из-за, ради', *лийын* 'из-за, по причине, по вине'. Послелог *көра* и *верч* выражают каузативно-целевые, *дене* и *лийын* — каузативные значения: *Тудлан (Тамаралан) кернакак студенческий революционный кружокышто шогмылан Петербургым кодашыже верештын?* (Чавайн 193) 'Правда ли Тамаре пришлось оставить Петербург из-за участия в студенческом революционном кружке?'; *Сай сонарзе кеч-могай янылыкымат, коваштыж-лан көра лйя гын, вуйым ончен лйя* (там же 180) 'Хороший охотник стреляет в любого зверя, если стреляет из-за меха, целясь в голову'; *Мый тыйын верчет тудыш, вўдыш пурем. Мый тыйын верчет ала-мом ыштем* (Чавайн 89) 'Я за тебя в огонь, воду пойду. Я за тебя все сделаю'; *Пашаш чытыме дене от йом* (поговорка) 'От терпения в работе не пропадешь'; *Тавылан лийын нур пашам мондаш ок лий* (Чавайн 16) 'Из-за колодца нельзя забывать полевые работы'. Помимо вышеуказанных, *дене* и *верч* фиксируют множество других значений (см. МРС 63, 105). Думается, именно с разветвленностью грамматических функций падежного окончания *-лан*, послелогов *дене* и *верч* связано появление в марийском языке более конкретных синонимических послелогов *көра* (татарское заимствование; Wichmann 1923 : 65; Räsänen 1923 : 40) и *лийын* (от деепричастия *лийын* 'будучи, являясь', образованного от глагола *лийш* 'быть'; СМЯМ 289).

Необходимо подчеркнуть, что послелог *көра*, *лийын*, а иногда и *верч* управляют дательным падежом предшествующего слова. В этом случае следует, очевидно, говорить о комплексном способе выражения

причинно-целевых отношений, т. е. о сочетании синтетического способа с аналитическим. Этот способ сложился в результате стремления носителей языка еще раз обратить внимание на причинное или целевое назначение полифункциональной флексии *-лан*.

Два параллельных способа (синтетический и аналитический) в марийском языке обнаруживаются и при передаче времени относительно действия. Время совершения действия, состояния по отношению к другому действию, состоянию в марийском языке обозначается посредством различных суффиксов «временных деепричастий»: *-меке*, *-шыла*, *-мешке*. Наряду с этим бытуют семантически эквивалентные конструкции: причастие на *-ме* + послелог *деч вара* 'после; после того, как', *годым* 'во время; в то время, как', *деч ончыч* 'до; до того, как; перед; перед тем, как'.

Деепричастия на *-меке* и конструкции с составным послелогом *деч вара* выражают дополнительное действие, предшествующее действию спрягаемого глагола: ... *пычкемыш лиймеке, под тўр гыч ужар-канде тўсан шикш лекташ тўналеш* (Чавайн 173) '... когда стемнеет, из-под котла начинает подниматься зелено-синий дым'; *Покшым южгунам ломбо пеледме деч вара июнь тылзе тўналтыштат толын кертеш* (Сапаев 27) 'Иногда заморозки могут быть и после зацветания черемухи в начале июня'. Отглагольные формы на *-шыла* и конструкции с послелогом *годым* показывают одновременность второстепенного и основного действий: *Пачерышкыже кайышыжла, (Токтар) Сакар нерген шонаш тўнале* (Чавайн 175) 'По дороге (букв. идя) на квартиру Токтар стал думать о Сакаре'; *Окна йьмачше эргылем годым шўшкалтенат ончышым, но окнам ниго почын ыш ончал* (Ялмарий 26) 'Когда проходил мимо окна, посвистел, но никто не открыл окно'. Деепричастие на *-мешке* и пассивное причастие в сочетании с послелогом *деч ончыч* выражают второстепенное действие, которое совершается после действия спрягаемого глагола: *Гражданский сарыш кайымешкыже, Пётыр ачажын мутым колыштын ... ылыш* (Шкетан II : 10) 'До ухода на гражданскую войну Петр жил, слушаясь отца'; *(Левентей кугыза) ур шумо деч ончыч жапым смола заводышто эртара* (Чавайн 174) 'До того, пока вырастут белки, дед Левентей проводит время на смоляном заводе'.

Деепричастные формы и соответствующие им послеложные конструкции представлены в языке довольно неравномерно. Имеются различия и в частотности употребления и выполняемых функциях. В романе «Элнет» (Чавайн 151—200) интересующие нас примеры встречаются в соотношении: с *-меке* — 30, ср. *деч вара* — 1; с *-шыла* — 10, ср. *годым* — 29; с *-мешке* — 0, ср. *деч ончыч* — 5. Сопоставим с данными романа «Эренер» (Шкетан II : 5—75): с *-меке* — 29, ср. *деч вара* — 5; с *-шыла* — 4, ср. *годым* — 53; с *-мешке* — 16 (из них 14 со значением предела распространения действия во времени, которые не могут заменяться аналитической формой), ср. *деч ончыч* — 4. (Здесь не учтены сочетания послелогов с существительными, а также послелог *шумешке* 'до, вплоть до'). Подобная пестрота в частотности использования исследуемых форм определяется, по-видимому, различием функциональной нагрузки. Последняя предположительно обусловлена относительным «возрастом» каждой из них.

Наибольший интерес представляет синонимичная пара *-шыла* — *годым*, члены которой характеризуются определенной сферой функционирования. Так, суффикс *-шыла* употребляется преимущественно для выражения одновременности второстепенного динамического (редко статического) и основного действий, совершаемых одним субъектом: *Чачи, кылтам нумалшыжла да шарем шарышыжла, ик ўдыр дене пеш келшыш* (Чавайн 171) '(В то время) когда носила снопы и расстилала их, Чачи

близко подружилась с одной девушкой'; *Тыге мутланен ошкедышыла, нуно шижынат огытыл — Эренерлан вайтареш шогышо Пүглан куркы дек миен шогалыт* (Шкетан II : 35) 'За разговором (букв. идя разговаривая) они и не заметили, как подошли к горе Пүглан, расположенной напротив реки Эренер'; ср. *Тыге тогдаши толашен шонен шинчышыжла, Пөтыр, шижде, серымаш калтам почеш, кагаз лаштыкым луктын, шинча ончыланже шаралта* (там же 9) 'Сидя так, стараясь догадаться, Петр, не замечая, открывает конверт, достав лист, разворачивает перед глазами'. Послелог *годым* в сочетании с пассивным причастием указывает на одновременность дополнительного (как динамического, так и статического) и основного действий, осуществляемых двумя субъектами, а также дополнительного статического (редко динамического) и основного действий с одним субъектом в качестве исполнителя: *Клуб гыч лекмына годым Виталий Александрович мылам шижтарен каласыш* (Ялмарий 54) 'Когда мы выходили из клуба, Виталий Александрович предупредил меня'; *Сакарын мийымыж годым Чужган кугыза лачак кевытыштыже ыле* (Чавайн 181) '(В то время) когда Сакар пришел, дядя Чужган был как раз в своей лавочке'; *Тудо (Пөтыр) шуко кнагам лудын, сандене тунеммыж годым кнагалан јшанен пашам ыштен* (Шкетан II : 16) 'Петр читал много книг, поэтому, когда учился, работал веря книгам'; ср. *Левентей кугыза смола пум руэн коштмыж годым маска вынемым муын* (Чавайн 229) 'Дед Левентей, когда ходил готовил в лесу дрова на смолу, нашел медвежье берлогу'. Как видно, *годым* функционально богаче *-шыла*, в большинстве случаев не допускается взаимозамена. *Годым* и *-шыла* могут уступать место друг другу, если только совпадают их грамматические значения, а именно — когда выражают темпоральные отношения дополнительного и основного действий, совершаемых одним субъектом. В случае присоединения к основе глагола статического действия *-шыла* заменяется *годым* легче всего, и, наоборот, аналитическая конструкция имеет больше шансов перейти в синтетическую форму при условии обозначения управляемым причастием динамического действия. Так, одинаково правильно выражения: *пычалым шјшшыжла пелештыш тудо — пычалым шјшшмыж годым пелештыш тудо* 'он сказал, заряжая пищаль'; *тошкалтыш дене кјзымем годым шјртнышым да камвозым — тошкалтыш дене кјзышемла шјртнышым да камвозым* 'поднимаясь по лестнице, я споткнулся и упал'.

Временное отставание второстепенного действия от основного все чаще выражается послелогом *деч ончыч*. Наряду с ним, в этой функции выступает и синтетическая форма — суффикс *-мешке*. Но они, как и все остальные рассмотренные грамматические средства, не полностью эквивалентны. Например, деепричастие на *-мешке* обнаруживает значения, которые не передаются аналитически. Так, эта форма нередко выражает дополнительное действие, время совершения которого является пределом для действия спрягаемого глагола: *Йолет паремеш. Сайын тошкалаш лиймешке, шкендым ит окымлө* (Шкетан II : 20) 'Нога поправится. Пока не встанешь крепко на ноги, не принуждай себя'. Может выражать она и такое второстепенное действие, которому предпочитается действие спрягаемого глагола: *Тыге тулык икшыве лийын илымешке, мјкш иге лийшаш ыле* (Чавайн 7) 'Чем жить сиротой, быть бы лучше пчелой'.

Самый устойчивый из временных деепричастных суффиксов — *-меке*. Думается, это связано с неразвитостью его грамматических значений и сравнительно поздним происхождением в языке (в некоторых говорах до сих пор встречаются еще не вполне сложившиеся формы типа *толмо мөнгө* 'после прихода', см. Галкин 1964 : 172).

На основе изложенного можно сделать следующие выводы: 1) ввиду одинаковости выполняемых функций в марийском языке появились и

параллельно существуют синтетические и аналитические формы выражения одних и тех же грамматических отношений; 2) их активность или пассивность в речи определяется степенью функциональной отвлеченности, обусловленной, в свою очередь, относительными «возрастом» каждой из них; 3) они не являются абсолютными синонимами, а совпадают в одном или нескольких значениях; следовательно, необходимо говорить не о взаимозаменяющей, а о взаимодополняющей роли их в языке; 4) в конечном итоге наличие в языке аффикса определенного значения тормозит в известной мере возникновение и развитие эквивалентного послелого, а появление и расширение функций синонимичного послелого ограничивает сферу влияния уже бытующего в языке аффикса.

Выражение аналогичных грамматических отношений двумя способами (синтетическим и аналитическим) наблюдается и в других финно-угорских языках. Анализируя расширение сферы функций водских послелогов за счет употребления падежей под влиянием русских моделей и по внутриязыковым законам, П. Аристе отмечает, что подобное явление зарегистрировано и в других прибалтийско-финских языках, главным образом в ижорском, вепском и карельском (Ariste 1975 : 20). Весьма заметные аналитические тенденции в мордовских языках, которые проявляются также «в стремлении заменить падежные формы послеложными конструкциями», Б. А. Серебренников (1967 : 39) объясняет исчезновением серии внешнеместных и внутреннеместных падежей. Синонимические отношения падежных форм и послеложных конструкций в эрзя-мордовском литературном языке рассматривает Р. Н. Бузакова (1978 : 22—32). В. К. Кельмаков (1970 : 97) и Б. Ш. Загуляева (1980 : 104—105) отмечают тесный контакт в развитии послеложной и падежной систем в кукморском диалекте и прикильмезских говорах удмуртского языка. Наблюдается возникновение «новых послеложных конструкций, заменяющих некоторые значения падежей», в венгерском языке (Майтинская 1963 : 15—16). Большую роль послелогов в мансийском литературном языке как следствие малого количества падежей в нем подчеркивает А. Михкелс (Mihkels 1982 : 67).

Сокращения

Артамонов — Ю. Артамонов, Перкан кинде, Йошкар-Ола 1984; **Иванов** — В. Иванов, Саскавий, Йошкар-Ола 1962; **Игнатъев** — Н. Игнатъев, Айырен погымы произведенийвл I, II, Йошкар-Ола 1969, 1970; **МРС** — Марийско-русский словарь, Москва 1956; **Сапаев** — В. Сапаев, Мом каласет, Миля, Йошкар-Ола 1968; **СГНМЯ** — А. А. Саваткова, Словарь горного наречия марийского языка, Йошкар-Ола 1981; **СМЯМ** — Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961; **Тыныш** — О. Тыныш, Кориш, Йошкар-Ола 1931; **Чавайн** — С. Чавайн, Возымыжо кум том дене лукталтеш III, Йошкар-Ола 1981; **Чемеков** — Г. Чемеков, Куку пиалым сора, Йошкар-Ола 1972; **Шабдар** — О. Шабдар, Ёдырамаш корно, Йошкар-Ола 1975; **Шкетан I, II** — М. Шкетан, Роман, пьеса, ойлымыш, очерк да статья-влак II, IV, Йошкар-Ола 1962; **Эрыкан** — А. Эрыкан, Чолпан Иван, Йошкар-Ола 1966; **Ялмарий** — И. Ялмарий, Садеран ялем, Йошкар-Ола 1973.

ЛИТЕРАТУРА

- Бузакова Р. Н. 1978, Синонимика падежных форм и послеложных конструкций (на материале эрзянского литературного языка). — Финно-угристика, вып. I, Саянск, 22—32.
 Галкин И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка I, Йошкар-Ола.
 Грачева Ф. Т. 1976, Сравнительные устойчивые обороты как источник обогащения фразеологии. — СФУ XII, 41—51.
 Загуляева Б. Ш. 1980, Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка. — ФУ 6 (TRÜT 517), 103—110.
 Кельмаков В. К. 1970, Происхождение специфических послелогов кукморского диалекта удмуртского языка. — СФУ VI, 93—99.

- Майтинская К. Е. 1963, Два направления развития аналитических конструкций в венгерском языке. — Аналитические конструкции в языках различных типов. Тезисы докладов, Ленинград, 15—16.
- 1980, Заимствование релятивных слов в финно-угорских языках. — СФУ XVI, 1—5.
- Серебрянников Б. А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Тужаров Г. М. 1977, Сравнительный падеж в марийском языке. — СФУ XIII, 111—118.
- 1983, Абессив в марийском национальном языке. — СФУ XIX, 173—183.
- Учаев З. В. 1982, Марий йылме, Йошкар-Ола.
- Чхаидзе М. П. 1975, Дистрибутивный анализ марийских послелогов сравнения *гай* и *семын*. — Вопросы финно-угроведения, вып. VI, Саранск, 252—259.
- Ariste, P. 1975, Das russische Modell für die Funktionen wotischer Postpositionen. — СФУ XI, 41—51.
- Beke, Ö. 1911, Cseremisiz nyelvtan. — NyK XL, 413—461.
- Mihkels, A. 1982, Ülevaade mansi postpositioonidest. — FU9 (TRÜT 611), 67—76.
- Paasonen, M. 1948, Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro, Helsinki (LSFU XI).
- Räsänen, M. 1920, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki (MSFOu XLVIII).
- 1923, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki (MSFOu L).
- Szilasi, M. 1901, Cseremisiz szótár, Budapest.
- Wichmann, Y. 1923, Tscheremissische texte mit wörterverzeichnis und grammatikalischem abriß, Helsinki.

SERAFIMA SIBATROVA (Tartu)

SYNTHETISCHE FORMEN UND POSTPOSITIONALE KONSTRUKTIONEN IM MARISCHEN

Im Aufsatz wird die Synonymie der synthetischen und analytischen Ausdrucksarten einiger marischer grammatischer Beziehungen behandelt. Aufgrund des Vergleichs der Kasusformen mit der Komparativ- (*-ла*), Абессив- (*-де*) und Dativendung (*-лан*) (hier in der kausalen und finalen Bedeutung), der temporalen Gerundiensuffixe *-меке*, *-шыла*, *-мешке* einerseits und entsprechender postpositionaler Fügungen mit *гай* 'wie, gleich', *семын* id. *деч посна* 'ohne', *көра*, *верч* 'um, wegen, für, zwecks', *дене*, *лийын* 'wegen', *деч вара* 'nach', *годым* 'während', *деч ончыч* 'vor (Dat.)' andererseits werden folgende Schlußfolgerungen gezogen. Wegen der Gleichwertigkeit ihrer Funktionen sind im Marischen die parallel vorkommenden synthetischen und analytischen Ausdrucksweisen gleicher grammatischer Beziehungen entstanden. Diese sind aber keine absoluten Synonyme, sie stimmen nur in einer oder mehreren Bedeutungen überein. Die Häufigkeit ihres Gebrauchs hängt vom Grad der funktionalen Abstraktion ab. Letztlich behindert das Vorhandensein eines entsprechenden Suffixes in gewissem Maße die Herausbildung und Entwicklung einer gleichwertigen Postposition. Umgekehrt, die Entstehung und Verbreitung der Funktionen einer synonymen Postposition schränken den Anwendungsbereich eines schon gebräuchlichen Suffixes ein.